
Памяти Владимира Дмитриевича Сарабьянова

Ольга Попова

Статья посвящена памяти Владимира Дмитриевича Сарабьянова (скончался 03.04.2015), замечательного реставратора древнерусской живописи и выдающегося ученого – исследователя искусства Древней Руси. Им отреставрированы, вместе с реставрационной мастерской, которую он возглавлял, древнейшие памятники в Новгороде, Старой Ладоге, Пскове, Полоцке и других городах. Ему принадлежит огромное количество ценных научных работ, как напечатанных, так и подготовленных к публикации. Внезапный уход из жизни В.Д. Сарабьянова – это невосполнимая утрата и для науки, и для реставрации, и для всего нашего профессионального сообщества.

Ключевые слова: В.Д. Сарабьянов, древнерусское искусство, реставрация.

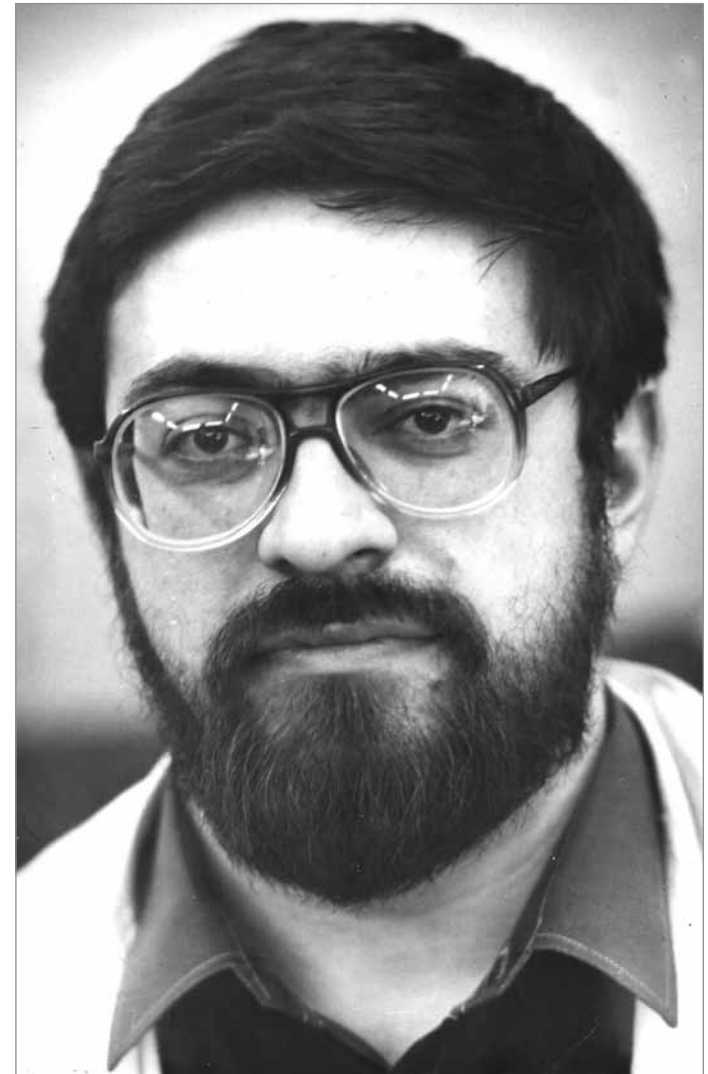
Умер Владимир Сарабьянов, очень рано, на рубеже 56 и 57 лет, неожиданно для всех, после совсем недолгой болезни и как будто удачной операции. Все многочисленное наше сообщество – реставраторы, искусствоведы, художники, священники и многие-многие друзья покойного – восприняло эту смерть как большую беду, общую и личную. Ушел от нас очень нужный всем и очень любимый всеми человек. Это произошло 3 апреля в одной из московских больниц. Прошло уже немало времени, а у меня до сих пор не исчезает потребность задать Владимиру Сарабьянову невыясненные профессиональные вопросы по нашей общей с ним научной теме, посвященной живописи собора св. Софии Киевской. В моей тетради с описаниями мозаик и фресок этого храма много раз повторяется запись: «спросить у Володи», то есть уточнить степень сохранности того или иного изображения (во фресках). Только он мог ответить детально на мои вопросы. Как продолжать тему без него – пока не знаю.

Искусствоведу, занимающемуся историей живописи, всегда необходимо содружество с реставратором как консультантом. Таким для меня, как, несомненно, и для многих других, был Владимир Сарабьянов. Я ему полностью доверяла. Он удачно и счастливо соединял в себе обе профессии – историка искусства и реставратора, – что бывает крайне редко.

Всем известно, каким интересным ученым, историком древнерусского искусства он был, как много статей и книг он написал, как часто и всегда блестяще он выступал с докладами на всевозможных конференциях о древнерусских фресках и иконах – и только что открытых, и давно известных – всегда давая им свежую интересную интерпретацию.

Столь же известно всем, каким замечательным реставратором он был, как много «объектов» он вел – большие комплексы фресок в Новгороде, Старой Ладоге, Пскове, а в последние годы – в Полоцке. Он осуществлял эти работы вместе со своей реставрационной мастерской, которую возглавлял, был прекрасным организатором, все для всех устраивал, всех учил и создал уникальный высококвалифицированный коллектив настоящих мастеров реставрационного дела. Он трудился со своей мастерской не только в наших российских краях, но и в чужеземных. Например, по приглашению, в Ливане, куда он с мастерской выезжал три раза и где вел очень трудные работы (таково было состояние фресок) по расчистке и укреплению настенной живописи XII–XIII веков. Параллельно в Ливане имели реставрационные заказы специалисты из Италии, Польши, Голландии. В Бейрутском центре по охране памятников высоко оценили именно русскую мастерскую Владимира Сарабьянова и собирались приглашать ее и в дальнейшем для раскрытия древней живописи византийского круга в многочисленных церквях Ливана. В Греции также надеялись вызвать Сарабьянова с коллегами для реставрации икон в Верее, но этому проекту не суждено было осуществиться.

Работоспособность Владимира Дмитриевича была воистину феноменальной. Он работал буквально с утра до ночи, нередко весьма поздней. После дневных трудов в реставрационной мастерской или на стенах какого-либо древнего храма он каждый день вечерами что-то создавал дома – изучал, описывал, разрабатывал очередную научную тему. Обладая несомненным литературным даром, писал замечательно. Трудно сказать, какую из своих работ он любил больше, кажется, что он просто обожал обе. Про науку я знаю это точно, сама от него слышала. Иногда мы рассматривали с ним вместе древние образы, в иконах и во фресках, византийские и русские, известные, мало или совсем не известные, из музеев, храмов и частных коллекций. Он приходил ко мне, на стене висел экран, на который мы проецировали слайды, обсуждали все – и большие проблемы, и самые малые детали древних образов, обменивались суждениями, которые чаще всего совпадали. Я никогда больше не встречала столь близкого единомышленника. Помню, как однажды у него вырвалось: «Как я все это

Владимир Дмитриевич Сарабьянов. Конец 1980-х гг.

люблю!», и выражение лица при этом у него было какое-то особенное, непривычно восторженное.

Признаюсь, я очень хотела, чтобы Володя работал в Московском университете, хотя понимала, что одновременно быть и в университете, и в реставрации невозможно, – оба дела требуют большой отдачи времени. И все же иногда я снова и снова его уговаривала. Но он, не уставая повторять, разъяснял мне, что для этого надо покинуть реставрацию, а он этого не сделает никогда. Да я и сама этого не хотела бы, понимая, что такое он для мира реставрации.

Володя во всем был человеком верным и преданным. Всегда исполнял все, что обещал. Всем, кто просил о чем-то, помогал, никому не отказывал. Кроме своих больших работ и забот в его жизни было много дел, нужных для других. Но он никогда не жаловался. Я неоднократно поражалась, как он все успевал. Был ответствен во всем, не только во всех своих работах, но и в малых делах и поступках. Книги и слайды, которые иногда у меня брал, отдавал без напоминаний, что совсем не всегда свойственно большинству моих коллег. Он был человек абсолютно надежный, на него можно было положиться и рассчитывать.

Володя был масштабной личностью. Это чувствовали все, кто с ним общался, он производил на всех сильное впечатление. Крупный физически, с запоминающейся яркой внешностью, прямолинейный, без прояв-

В.Д. Сарабьянов на конференции. Начало 2000-х гг.

лений какой-либо чувствительности, он мог показаться подчас брутальным; речь – с краткими точными характеристиками, во всем – четкость, без намеков и подтекста, без всякого лукавства. На самом же деле был по натуре довольно мягким и добродушным. К людям, с которыми общался и дружил, относился с заботливостью. Знаю это по себе. Сколько раз он по-деловому предлагал мне какую-нибудь помощь – и в медицинских делах, и в хозяйственных. Для меня это всегда было очень трогательно. Иногда мне казалось, что он пытается учить меня практической жизни, в которой он ориентировался явно много лучше, чем я.

В нем были качества, которые я особенно любила и ценила. Он был равнодушен к карьере, о званиях и чинах не заботился, хотя и не отвергал их, используя те, что могли помочь делу, работе, поэтому входил в такие высокопоставленные советы, как Президентский и Патриарший. И везде он приносил пользу. Человек внутренне миролюбивый, он старался избегать раздоров и оказывался невольным участником какого-либо конфликта только тогда, когда он был ему навязан. Обычно он умел разговаривать и договариваться с самыми разными людьми. Для своей мастерской добывал и заказы, и деньги, и приемлемые или даже хорошие условия для жизни сотрудников в реставрационных разъездах.

Владимир Дмитриевич был специалистом в области древнерусского искусства, и в своих исследованиях он оставался в границах этой сферы искусствознания. При этом он превосходно, в деталях, знал византийское искусство, не только основные, но и второстепенные его памятники, а также новейшую западную литературу о них. В результате он всегда был в курсе научных концепций, существующих в современной византистике. Характерным для его работ было то, что он не приспособливал византийское искусство для древнерусского материала, что часто встречается в современном искусствознании, не делал приблизительных или неуместных сравнений. Все сопоставления памятников этих двух миров у него обычно корректны. Произведения, созданные на Руси приезжими греческими мастерами и являющиеся, по сути, памятниками византийского искусства, он старался отличать, хотя это очень трудно, от тех, что рождались в руках русских мастеров, ориентировавшихся на византийские образцы и чуть изменивших их в местном вкусе. Но в любом случае в сферу исследования он вовлекал весь возможный материал, и византийский, и русский.

Профессиональный метод исследования, который был присущ Владимиру Сарабьянову, включал в себя, кажется, все возможные аспекты, используемые в искусствоведческой науке, и поэтому отличался нестандартной широтой. В руках Сарабьянова этому методу была свойственна большая точность. Было ясно, что за каждую высказанную позицию автор готов отвечать. Никогда ничего лишнего, все уместно и нужно для познания сути дела. Он использовал, как это в нашей науке принято, и иконографический, и стилистический анализ.